

Московская правда, 1961, 1 авг.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

ТЕАТР

ЭТО БЫЛО несколько лет назад. В проезде Художественного театра, в маленьком зрительном зале школы-студии имени Немировича-Данченко группа молодых актеров из разных московских театров, «заболевшая» идеей создания своего театра и объединенная волею Олега Ефремова, актера и режиссера Центрального детского театра, показала свой первый спектакль «Вечно живые». Они готовили его в течение целого года, репетировали по ночам, отдавая своему первому творению все свободное время. И, наконец, настал день, когда результат этой кропотливой работы можно было вынести на суд зрителей.

Спектакль этот вызвал огромный энтузиазм, особенно у московской молодежи.

В нем привлекала заинтересованность рассказ о судьбе молодого поколения, прошедшего через годы войны; в нем чувствовалась пытливая творческая мысль, угадывалось страстное желание отыскать привычное, избежать того, что было знакомо по другим спектаклям, найти решение — свое, неповторимое.

Спектакль О. Ефремова был прост и ясен по мысли. Режиссер не ставил зрители блуждать по лабиринтам сложных сценических аллюзий. Язык его был понятен каждому. Главное же его достоинство заключалось в людях, в тех сложных и глубоких человеческих характерах, которые с большим проникновением раскрывали совсем еще молодые актеры.

Спектакль «Вечно живые» был не просто началом творческой жизни нового коллектива, он был художественным манифестом театра, избравшего среди многообразия сценических манер путь самый трудный — путь поисков искусства большой прайды, искусства, которое возволиковано, горячо говорит о том, что волнует людей нашего сегодня.

С тех пор прошло несколько лет. Театр-студия «Современники» получил признание. На его творческом счету уже есть несколько побед. И вот спустя довольно значительное время он снова вернулся к произведению, с которого началась его жизнь. — к пьесе В. Розова «Вечно живые».

ТЕАТР и режиссер О. Ефремов не просто возобновили старый спектакль. Они не пытались искусственно воскрасить то, что уже стало прошлым.

Спектакль стал масштабнее, значительнее, объемнее по мысли. Это уже не только история Вероники: рассказ ведется о людях, прошедших через войну, через трудные испытания и сохранивших душевное мужество.

Закономерно поэтому в центре спектакля оказался образ Воровкина — в очень интересном исполнении О. Ефремова. Среди последних работ актера образ Воровкина — не только самый значительный его достижение, но и принципиальная удача. В ней раскрылись большие возможности Ефремова в создании характеров, отмеченных чертами драматическими, порой трагическими.

Драму отца, потерявшего сына, глубоко и сильно переживающего свою утрату, но тем не менее нашедшего в себе достаточно сил, чтобы жить, работать, вселять мужество в других. О. Ефремов раскрывает очень верно. Актер не играет страдания, его герой подлинно страдает, и зрители постоянно чувствуют, как нелегко дается этому молодому человеку его умение быть на людях уравновешенным и бодрым. И, может быть, именно он, больше чем кто-нибудь другой, помогает Веронике вернуться к жизни.

Возможность показать эту душевную стойкость увлекает сейчас театр гораздо больше, чем возможность раскрыть искреннюю и глубокую, но частную драму Вероники, долго не находящей в себе силы для борьбы, для жизни.

Именно такие люди, как Воровкин, как Ирина, как Володя, воспеваются сейчас театр. Они оказались в спектакле на первом плане. И не потому, что в исполнении А. Покровской Вероника оказалась недостаточно яркой, а потому, что такова точка зрения театра, такой пафос спектакля, пафос утверждения повседневно героизма обыкновенных людей.

Возмужал и очень как-то духовно повзрослел Володя в исполнении

И. Квашин. Это уже не мальчик, в котором сохранилось еще много ребяческого, это человек, прошедший сквозь войну, выживший, и устоявший, несмотря на свою юность, человек, рано повзрослевший и понявший, в чем смысл жизни, в чем ее истинная ценность.

Изменилась и Ирина — Л. Толмачева. Вместо девушки, обреченной на одиночество и глубоко переживающей это, мы встретились с новой Ириной, сознательно выбравшей именно эту и никакую другую судьбу.

Есть и другие удаchi в этом спектакле. Нюра в исполнении Г. Волчек теперь не просто комедийная эпизодическая фигура, это страшный человек: в ней сосредоточена страсть стяжательства, нечеловеческая, хищная страсть.

Мишу играет О. Табаков. Только в одной картине появляется этот юноша, но столько в нем душевной чистоты, искренности, неприятия компромиссов, что он запоминается наряду с главными героями спектакля.

Одним из спектаклей есть и потеря. И самое обидное, что в этом театре, спектакли которого отмечают ся всегда замечательным актерским ансамблем, четкостью и яркостью каждого образа, сейчас приходится говорить о поверхностном решении отдельных образов и о разнотонности в актерской игре. Как-то очень незаметно прошла по спектаклю бабушка в исполнении З. Энкозевой, на оставив глубокого следа в памяти Борис (В. Заманский). Несколько померкла Монастырская в исполнении М. Добролюбовской. Актриса не раскрывает ни своеобразной драмы своей героини, немолодой уже женщины, хватающей за любую возможность, только бы выжить, удержаться на поверхности, ни страшного агоназма Монастырской, делающего ее хищницей.

Когда-то образ Черкова был одним из самых сильных в спектакле, а сейчас, хотя играет его тот же актер (Е. Евстигнеев), он отошел на второй план, стал безобиднее и мельче.

Рядом с ними не прозвучал в достаточной степени убедительно образ Марка, хотя М. Козаков очень верно отказался от соблазна разоблачить Марка внешне, очернить его, насколько это возможно.

В спектакле О. Ефремова столкнулись две жизненные философии, два разных отношения к жизни — самоотверженное служение долгу, и потребительское, хищническое. Но интересно задуманное решение оказалось не во всем последовательно и глубоко раскрытым.

УДАЧИ и недостатки этого спектакля не случайны, в них отразилась эволюция, которую прошел театр, в них — черты его возмужания, свидетельствующие о том, что все эти годы театр не стоял на месте. Но в спектакле «Вечно живые» отразились не только черты творческого возмужания коллектива, но и упущения, главное из которых — случайность подбора актеров в труппу. Те, кто работает в театре со дня его основания, составляют крепкое ядро коллектива. Среди пришедших в последующие годы много людей, которые усвоили отдельные приемы, но творческую программу театра еще не стали их убеждением. Они формально, внешне следуют манере игры, которая у ведущих актеров театра складывалась годами. Та простота, которая у О. Ефремова, Е. Евстигнеева, И. Квашин, Л. Толмачевой никогда не становится примитивом, потому что она — результат глубоких и постоянных наблюдений, серьезных раздумий, результат поисков форм, с наибольшей полнотой и выразительностью вмещающей в себя весь груз этих наблюдений и раздумий. — эта простота ничего общего не имеет с простотой многих других исполнителей. Сценическая жизнь их героев заканчивается с закрытием занавеса и не оставляет глубокого следа в мыслях тех, кому был адресован спектакль.

Такие актеры, как О. Табаков, Л. Круглый, В. Паулус, М. Козаков, О. Станицына, вошедшие в труппу «Современники», стали ее единовещами, но есть сейчас в театре люди случайные, не понимающие сущности художественной программы театра, а усвоившие лишь ее внешнюю манеру.

Коллектив «Современники», родившийся как коллектив единомышленников, должен таким и остаться, потому что в этом его сила, в этом секрет его успеха.

В. РЫЖОВА.